

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ ЖЕНСКИЙ СЪЕЗД: ДИСКУССИЯ О РАВНОПРАВИИ

В 2008 году российское женское движение отмечает столетие Первого Всероссийского женского съезда. Этот съезд, состоявшийся в декабре 1908 года, был воспринят современниками как заметное событие в общественной жизни страны. Он собрал более тысячи участниц — делегаток от различных женских организаций, объединений, групп, от женских фракций в политических партиях. Среди приглашенных были члены Государственной думы, представители общественности и средств массовой информации. Его трибуна стала тем местом, где отечественная феминистская мысль впервые открыто заявила о себе во всем многообразии подходов, оценок, определений, — ведь вплоть до 1905 года Россия оставалась абсолютной монархией и феминистская критика формировалась здесь, можно сказать, в подполье.

В ту пору в России шли интенсивные поиски подходов как к проблематике власти, так и к проблемам женского равноправия. В стране разворачивался медленный и трудный процесс модернизации, предполагавший в интенции радикальное преобразование отношений власти, в том числе ее разделение, а также перераспределение полномочий между государством и гражданским обществом, между мужчинами и женщинами. В последние десятилетия на другом витке своей истории Россия вновь столкнулась со схожими вопросами и все еще не нашла на них убедительных ответов. Поэтому, мне кажется, имеет смысл разобраться в том, как изначально складывалась российская феминистская традиция. Такой возврат к истокам дает возможность точнее понять, что такое отечественное женское движение, в чем его сила и слабость.

Естественно, что в качестве основного источника здесь будут использованы «Труды Первого Всероссийского женского съезда» [1, с. 151—313]. Это самый полный и репрезентативный документ по истории и теории российского феминизма дореволюционной эпохи. В дискуссии, которая развернулась на съезде, приняли участие все: и те, кто был занят благотворительностью или просвещением, и те, кто отстаивал право женщин на труд и социальную защиту, а также те, кто формулировал самые крайние лозунги гражданского и политического равноправия женщин. Предметом нашего анализа станет только та часть этой обширной дискуссии, в которой шла речь о природе власти, о характере социальных отношений между женщинами и мужчинами, а также о том, каким образом надлежит включать проблематику прав женщин в общий контекст социальных преобразований в России.

Хорошо известно, что признание прав женщин в качестве неотъемлемой составной части прав человека происходило в несколько этапов. В странах Запада женщины впервые заявили о своих претензиях на роль полноценных гражданок в ходе буржуазных революций, которые можно назвать еще и революциями права, правосознания. Затем, в ходе промышленных революций, женщины в массовом порядке оказались втянутыми в общественное производство, что придало дополнительную весомость требованиям равноправия. Позднее наступило время культурных революций, изменивших отношение к репродуктивным обязанностям женщин, взгляды на любовь, рождение детей, семейную жизнь. Сегодня в разных странах дело обстоит по-разному, но женщины достигли определенной степени свободы и равноправия. Где-то существует прекрасно развитое законодательство о гендерном равноправии. Где-то женщины пробились на вершины политического Олимпа. Где-то они добились таких социальных условий, которые позволяют им успешно совмещать карьеру и материнские обязанности, и т. д. Во всех случаях залогом побед в сфере равноправия была настойчивость и целеустремленность

пионерок женского движения, объединявшихся для усиления своих позиций в группы и организации.

С этой точки зрения женское движение можно рассматривать как своего рода корпорацию, способную заявить об особых женских интересах и последовательно добиваться их реализации. А еще — как корпорацию, способную вопреки всему отстаивать свои собственные цели и задачи и в некоторых случаях даже проявлять определенный групповой «эгоизм», шокировать общество крайними лозунгами типа «войны полов» или крайними формами выступлений в виде штурма парламента или потасовок в нем. Этот своего рода корпоративный настрой оказался достаточно эффективным. В числе прочего он во многом спровоцировал тот переворот во взглядах на природу власти, который вызревал на протяжении всего XX века. В теории социального развития власть перестает рассматриваться как явление макроуровневого порядка или как надстройка над базисными отношениями. Современный подход к отношениям власти предполагает макро- и микроуровни анализа. Он принимает во внимание всю совокупность отношений между людьми — от государственной системы до семьи и повседневных связей человека. При таком подходе становится очевидным, что тот или иной тип или характер гендерного взаимодействия как некая матрица предопределяет и характер государственной власти. Так, традиционные гендерные отношения, выстроенные по принципу иерархии, подчинения одного пола другому, являются своего рода фундаментом авторитарных режимов, будь то власть вождя племени, абсолютного монарха или диктатора, «отца народов». Напротив, установка на партнерство женщин и мужчин обеспечивает устойчивую основу для современной демократии участия. Новый взгляд на проблематику власти утвердился в конце XX века во многом под воздействием массовых движений социального протеста. Его признание было по-своему обеспечено, в частности, теоретическими находками феминистской мысли начала этого века, в том числе и нашей отечественной, которая таким образом вносила свой вклад как в общую теорию социального развития, так и в идеологию гендерного равноправия.

Вместе с тем можно с полным основанием утверждать, что российский феминизм отличался «лица необщим выражением». Особенности развития страны, ее уклад и, в частности, сама выстроенность российского социума как «социума власти», в котором на протяжении всей истории государство фактически подминает под себя общество и действует как моносубъект политики, наложили свой отпечаток на отечественную феминистскую критику, обусловили своеобразие российского феминизма. Дело прежде всего в том, что довольно долго это государство отказывалось воспринимать импульсы к обновлению, шедшие из недр общества. Оно насильственно сдерживало утверждение буржуазно-демократических порядков, подавляло гражданские инициативы, препятствовало становлению самостоятельных, независимых индивидов, в том числе и женщин. Поэтому в идеологии отечественного феминизма сильнее, чем где бы то ни было, акцентировалась тема не столько собственно женского равноправия, сколько равноправия вообще всех людей перед законом, освобождения личности из-под репрессивной власти государства (а фактически рода), автономизации, отделения индивида от родового начала. И в связи с этим — тема перехода от авторитаризма (абсолютной монархии) к современному правовому государству, к демократии.

Иначе говоря, нерешенность общих социальных задач, а точнее, задачи демократического переустройства страны поставила российский феминизм в более тесную зависимость от развития политического процесса в целом. Российских феминисток первого призыва, естественно, не могла не волновать тема неравноценного, иерархически выстроенного первичного разделения труда между полами. Но еще больше их занимала проблема перехода от авторитарного к демократическому строю, которую они тем или иным образом старались увязать с темой равноправия. И вот здесь-то как раз и возникла серьезная теоретическая и тактико-стратегическая проблема. Можно сказать, что в России идея борьбы

за «общее» дело стала довлеть над внешне «частными» вопросами прав женщин. И в конечном счете на определенном витке истории поглотила эту проблематику.

* * *

Импульсом для развития дискуссии стало выступление на открытии съезда депутата первой Государственной думы, профессора права *Льва Иосифовича Петражицкого*, который имел к тому времени репутацию едва ли не самого рьяного поборника равенства прав женщин в российском парламенте. Л. И. Петражицкий посвятил свою речь проблеме исторического развития права и в этом контексте — правовому положению женщин [1, с. 176—178].

Для Петражицкого очевидно, что история права начинается с утверждения «абсолютной власти» или «грозного и строгого режима» главы патриархальной семьи, по выражению Петражицкого, «домовладыки», над всеми домочадцами — женой, сыновьями, внуками и т. д. Отцу семейства принадлежало право всевозможных наказаний членов семьи, включая право смертной казни. Петражицкий давал очень характерное для правоведа либеральной ориентации объяснение такого порядка вещей. Он доказывал, что предельная зависимость женщины от мужчины была составной частью общественного порядка, который покоился на «применении неограниченной карательной власти», а вовсе не на «естественном разделении труда» между полами, как до сих пор принято считать. Насилие мужчины над женщиной, главы семьи над ее членами, начальника над подчиненными для Л. И. Петражицкого суть звенья одной цепи. По его убеждению, естественным дополнением древнего режима грозной дисциплины и абсолютной покорности является безгласность и бесправие подвластных, ограничение или отсутствие их публичной правоспособности. И это относится не только к женщинам, но и к другим «подвластным». Решают общественные дела по традиционному праву «только старейшины — домовладыки». Иное положение подрывало бы авторитет «владыки», «подкапывало бы покорность и сознание своего ничтожества на стороне подвластных».

Однако, как подчеркивал Петражицкий, в истории действует общий закон развития права. Этот закон заключается в том, что «по мере социализации и вообще улучшения человеческого характера» «степени подчинения и грозности режима» ослабляются. Сначала признается излишним и устраняется право смертной казни. Затем постепенно смягчаются и устраняются наиболее грозные из наказаний, включая телесные, право лишения свободы в виде продажи в рабство или заключения в темницу. Исключается пожизненность таких кар, допускается только «урочное» лишение свободы, причем сроки постепенно уменьшаются, и т. п. Затем идет процесс постепенного освобождения разных категорий домочадцев из-под власти и опеки «домовладыки». Общий закон развития права предполагает также и постепенный рост публичной правоспособности, в частности права участвовать в народных собраниях, права исполнять судебские и иные функции со стороны подвластных или бывших прежде подвластными, в том числе и женщин. Ведь развитие права, цивилизация естественным образом «делают социально лишней... дисциплинарную власть мужа над женой». Лишаются всякого смысла и прочие ограничения прав женщин, которые представляют собой «пережитки, держащиеся силой инерции и подлежащие быстрому устранению. Это лишние тормозы экономического и иного плодотворного развития и общественного воспитания».

Л. И. Петражицкого с полным основанием можно зачислить в число провозвестников современной гендерной теории, которая рассматривает отношения мужчин и женщин не как некую природную данность, не как «естественные отношения», но как отношения социальные. Задолго до возникновения последней он формулирует ее ключевые постулаты: о социальной обусловленности мужского доминирования; о том, что мужской авторитет держится не на согласовании или договоре, а на самых жестких формах насилия; наконец, о том, что иерархически выстроенные социальные отношения мужчин и женщин образуют некую матрицу вообще всей системы отношений власти,

которые принимают вследствие этого форму господства-подчинения. Как сторонник либеральной демократии и прогресса, Л. И. Петражицкий уверен в том, что, будучи социально заданной, эта система властных отношений эволюционирует в сторону «смягчения нравов». Постепенно общественный прогресс подводит человечество к идее о необходимости предоставления женщинам всей полноты прав человека. Подчеркнем, что для Л. И. Петражицкого не существует дилеммы: сначала — демократизация общества, потом — обеспечение прав женщин. Он увязывает эти процессы воедино.

Известная феминистка *Софья Калистратовна Исполатова*, по-своему развивая идею социальной заданности отношений между мужчинами и женщинами, в своем выступлении на съезде прямо определяет систему мужской власти, господства мужского авторитета как «патриархат» [1, с. 197—204]. Она согласна с Л. И. Петражицким в том, что мужской авторитет изначально покоится «на грубой силе». С. К. Исполатова также убеждена, что «началом всеобщего рабства было порабощение женщины».

С. К. Исполатова идет дальше и доказывает, что помимо грубой силы патриархат использует себе во благо еще и законы, науку, искусство, изобретения. Она считает, что законы патриархатного общества — это «плод деятельности большого властью мужчины». Не случайно все они имеют «запретительный характер» и направлены «на ограничение женщин в правах». На этом основании С. К. Исполатова определяет патриархат как «односторонний общественный строй», который не удовлетворяет не только подчиненных, но и господ. Последние, по ее словам, «неустанно дрожат за свою власть и вечно должны были заботиться, чтобы ими созданные учреждения в достаточной мере охранили их от рабов. Господа оказываются рабами своего господства, ибо как господство, так и рабство не что иное, как две разновидности одной и той же болезни».

В этой связи С. К. Исполатова подчеркивает: «Свободен может быть только тот, кто не господин и не раб; а так как во всю известную нам историческую эпоху одни властвовали, другие подчинялись, то, очевидно, никто не был свободен. Да и откуда могли взяться свободные личности, если все они рождались от матери-рабыни? Рабский источник может производить только рабов, и, чтобы очистить человечество от всеобщего рабства, необходимо начать с очищения самого источника». И поскольку началом всеобщего рабства было порабощение женщин, то началом всеобщего равенства обязательно должно быть освобождение женщины. Движение в сторону свободы и равенства всех людей перед законом, иначе говоря движение к демократии, по ее мнению, невозможно без активного участия женщин в этом процессе.

Серьезной преградой на этом пути, по убеждению С. К. Исполатовой, становится «самосознание женщины», сформированное стереотипами и традициями патриархатного общества: «Мужские законы и вытекающий из них всех общественный строй наложили на нее целую сеть запрещений. От пеленок до могилы она непрерывно находится в среде, враждебной ее стремлению к самостоятельности. Ей с детства внушают веру в превосходство мальчика над девочкой, мужчины над женщиной; она слышит, что мужественность — это достоинство, женственность же — это что-то неопределенное, слабое, ограниченное, узкое».

С. К. Исполатова очень ярко описывает воздействие традиционных представлений о должном «мужском» и должном «женском» как на общественное мнение, так и на повседневное поведение мужчин и женщин. И демонстрирует замечательный образец анализа мужского доминирования, основанного на триаде «пол — дискурс — власть». По ее мнению, например, значение таких слов, как «ум», «логика», всегда определялось «с чисто мужской точки зрения»: «Мужской ум, мужская логика — понятия положительные, слова “женский ум”, “женская логика” — употребляются разве только в насмешку». И далее: «Во всей истории, вплоть до наших дней, под словами “человек”, “человеческие права” понимается мужчина, мужские права, а слово “всеобщее” относится только к мужчинам; зато слово “падшая” относится исключительно только к женщине. Падших мужчин не бывает».

Но самым удивительным, на ее взгляд, является значение слов «узкое» и «широкое». С. К. Исполатова обращает внимание на то, что «мужчины всех направлений в своих законопроектах требуют прав только для себя. Женщинам, по мнению одних, совсем не нужны права, по мнению других — давать им их еще “не время”. “Они получают их потом, когда настанет всеобщая свобода”... а пока только нам. Это широко. Когда же женщина прибавляет: также и нам — это узко. Итак: только мы — требование всечеловеческое, гуманное, широкое, также и мы — требование эгоистическое, узкое. Вот до каких курьезов можно дойти, если руководиться не общечеловеческой, а только мужской логикой». Эту аргументацию С. К. Исполатовой и сегодня можно использовать в теоретических и общественных дискуссиях. Российские законодатели или представители исполнительной власти буквально в тех же выражениях реагируют, например, на требования женских организаций закрепить норму гендерного представительства в избирательном законодательстве.

В своей речи С. К. Исполатова поднимала еще одну трудную и по-прежнему актуальную проблему — проблему обретения полноценной женской идентичности, или, как она определяла, полноценного женского «самосознания» в условиях господства мужской культуры. Вот как она говорила об этом: «“Вы рассуждаете чисто по-женски”, — утверждают мужчины, а за ними повторяют и “мужественные” женщины. И женщина, задетая этими оскорбительными словами, спешит поскорее сбросить с себя все женское, как что-то позорное, чтобы приобрести мужской ум и мужскую логику. В бессмысленном подражании мужчине она топчет в грязь свою духовную, творческую силу, свою волю, свою душу. Для определения своих природных свойств она пользуется мужской меркой, ибо собственная мерка не выработана. Она смотрит на себя мужскими глазами, а мысль ее — и та подчинена мужской цензуре».

Преодоление традиционных стереотипов и норм поведения, развитие «самостоятельной инициативы» женщин всех классов, их «индивидуального творчества» являются, с точки зрения С. К. Исполатовой, залогом радикального переворота во всех областях общественной жизни. Этот переворот «коснется самого корня жизни, а не ее внешних форм» и будет заключаться в том, что женщины обретут те же гражданские права, что и мужчины, и «своей самостоятельной деятельностью» «приведут оба пола в равновесие». В заключение С. К. Исполатова особо выделяла следующий тезис: «Борьба женщины за свои права и за свою свободу — это борьба за счастье обоих полов».

С. К. Исполатова принадлежала к числу тех российских феминисток, которые называли себя «равноправками» и последовательно добивались распространения на женщин всей полноты гражданских прав, в чем они видели залог истинной демократии. Однако совершенно очевидно, что в ее речи вольно или невольно возникает лейтмотив совпадения/разведения интересов «общего» и «частного», когда под «частным» подразумеваются права женщин, а под «общим» — российская демократия и ее судьба.

По мере развития дискуссии на съезде этот лейтмотив усиливался. Понятно, что отчетливее всего он звучал не в речах лидеров и активисток крупнейших женских организаций, а в выступлениях представительниц различных политических партий. И фактически разводил позиции тех и других, предвещая неминуемый раскол движения за права женщин. Сравним с этой точки зрения выступления А. Шабановой — председательницы съезда, лидера очень влиятельного в ту пору «Русского женского взаимно-благотворительного общества» с выступлениями А. Тырковой — члена ЦК партии конституционалистов-демократов (кадетов), С. Тюрберт — известного правоведа и убежденной сторонницы так называемого критического социализма и А. Коллонтай — знаменитой представительницы «пролетарского» подхода к решению женского вопроса.

Анна Николаевна Шабанова, как и С. К. Исполатова, принадлежала к числу тех, кто был убежден в самостоятельной ценности вопроса о женском равноправии [1, с. 171—176]. Она последовательно доказывала, что ни о каком «царстве свободы и справедливости» не может быть и речи, пока женщины не обладают всей полнотой

гражданских прав, и акцентировала внимание участников съезда на том обстоятельстве, что до тех пор, пока равноправие остается сюжетом «второго сорта», в стране не будет действительно серьезных перемен. А. Н. Шабанова, в частности, говорила: «В России вопрос о правах женщин представляется одним из печальных вопросов. Даже в минуты сильнейшего подъема духа, когда возбуждались самые животрепещущие и смелые вопросы, вопрос о правах женщин откладывался, он считался несвоевременным... “Несвоевременность” осталась и будет вечная, если сами женщины не возьмутся за организационную работу для достижения равноправия».

Отстаивая свою точку зрения, А. Н. Шабанова апеллировала к учению о социальной справедливости и утверждала, что его основной принцип «состоит в том, что нормы права должны быть одинаковы для всех людей», а значит — одинаковы для мужчин и женщин. «Справедливость требует, — заявляла А. Н. Шабанова, — чтобы женщины пользовались одинаковыми условиями для участия в общественной жизни». Что необходимо для этого? А. Н. Шабанова перечисляла: следует устранить ограничения для женщин в гражданских и политических правах, женщинам должен быть открыт свободный доступ ко всем профессиям, к высшему образованию, и труд их должен цениться по одной норме с мужским. Что препятствует утверждению норм равноправия? Стереотипы общественного сознания, в частности убежденность большинства в том, что женщины не подготовлены к участию в политической жизни страны. А. Н. Шабанова справедливо замечала: «Если женщина не имеет голоса ни в местном самоуправлении, ни в политической жизни страны, если она не может сама избирать лиц, которым доверяет, лишена права обсуждения в вопросе о войне, на которую отдает своих детей, заработок ее ценится ниже, почему же она обязана платить те же налоги и подати, как мужчина, почему же она подвергается тем же наказаниям, взысканиям и карам, как обладающий правами гражданин... Равные обязанности должны сопровождаться равными правами... но этот нравственный принцип не применяется к женщине, на ней лежат только обязанности».

А. Н. Шабанова не предлагала общих рецептов общественного переустройства. Она верила в то, что «единственным средством для того, чтобы женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни, должно служить организованное женское движение... объединение сил в форме женских обществ, клубов, союзов, специальных отделов, имеющих сношения между собой, на обязанности которых должно лежать следить за женским движением, как за границей, так и в России, и пользоваться удобными моментами для возвышения голоса в общественных и административных сферах». Иными словами, речь шла о повседневной кропотливой работе женских организаций во всех сферах жизни общества.

А. Н. Шабанова подчеркивала, что эту деятельность всерьез осложняют «партийные разногласия», разъединяющие сторонниц равноправия. Она видела в этих разногласиях едва ли не самую большую угрозу для женского движения. Она убежденно заявляла: «... цели равноправия должны быть общие для всех женщин, каких бы политических убеждений они ни держались, какую бы веру ни исповедовали, к каким бы классам ни принадлежали: женское движение не должно быть ни буржуазным, ни пролетарским — оно одноидейно для всех женщин... подобно тому, как все клетки и ткани организма, производя различную работу, служат для выполнения одной жизненной задачи его, так и стремления женщин различных слоев и партий должны служить одной цели».

Понимая вместе с тем, насколько ее позиция последовательной защитницы женских прав в стране, где этих прав пока толком не имел никто, представляется сомнительной в глазах общественного мнения, А. Н. Шабанова вынужденно оправдывалась и заявляла: «Я не могу обойти молчанием того упрека, который часто раздается по адресу женщин, борющихся за равноправие, что объединение их ведет к обособленности от мужчин и что избирательные права составляют конечную цель их стремлений... Нет, обособленность женщин есть явление вынужденное, временное, вызванное условиями того особого положения, в которое поставлены женщины, — их бесправия, и получение избирательных

прав есть не конечная цель, а средство для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества». Очевидно, что для А. Н. Шабановой первоочередной целью являлось достижение равноправия, «общее» же дело она рассматривала как следствие, результат, возникающий от совместной деятельности множества культурных работников.

В выступлении *Ариадны Владимировны Тырковой* [1, с. 178—180] акценты в постановке задач меняются, правда, не слишком явно. Ведь она тоже доказывала, что «русская женщина, двигая дело своего освобождения, в то же время помогает и всему освобождению России, потому что освобождение женщины есть не только ее личное движение вперед, но оно накладывает печать на всю жизнь страны: только там, где все женщины участвуют в жизни страны, создается свободная жизнь». Основные трудности на этом пути А. В. Тыркова также видела в гражданском бесправии русских женщин, в их полной оторванности от политической жизни. Особенно отчетливо это бесправие обнаружилось, по ее словам, после того громадного сдвига, который произошел 17 октября 1905 года, когда Николай II даровал Высочайшим Манифестом толику прав и свобод своим подданным. Но женщины гражданских прав не получили и, как говорила А. В. Тыркова, «оказались отброшенными от тех законодательных норм, которые обуславливают все наши интересы, которые вырабатывают те условия жизни, в которых должны существовать мы, наши дети, которые должны охранять и обеспечивать наши интересы».

А. В. Тыркова особенно настаивала на том, что женщины должны активно пользоваться не только правом избирать других, но и правом быть избранными в законодательную власть. В своем выступлении она предложила три аргумента в пользу этого требования. Первый — это необходимость артикулировать социальные интересы женщин и детей. А. В. Тыркова была убеждена в том, что мужчины-законодатели не могут в полной мере справиться с данной задачей. По ее словам, они даже «могут сочувствовать нам, но многого не в состоянии переживать и, следовательно, не в состоянии многого представить себе... То положение, в котором находятся работницы, брошенные на фабрике, особенно резко указывает на нашу полную невозможность отстоять себя. Те слабые несовершенные условия охранения труда детей, охранения интересов материнства, охранения беременных женщин показывают, что здесь голос женщины слаб».

Второй аргумент, который использовала А. В. Тыркова, заключался в том, что женщины-парламентарии способны изменить общее направление политики. Она доказывала, что «в общих законодательных предприятиях, если бы женщины могли давать свой голос, многого не могло бы произойти. Каждый из нас уверен, что парламент, избранный на таком праве, в котором женщина принимает участие, никогда не дал бы такого большинства, которое имелось при вопросе о смертной казни... При женском участии такой парламент невозможен». И, наконец, третий ее аргумент сводился к тому, что «весь строй жизни при участии всего населения неизбежно изменится». Для А. В. Тырковой бесспорно, что русские женщины представляют собой громадный социальный капитал, способный всерьез повлиять на судьбу страны. Однако эта общественная сила еще не проявила себя, не стала «сознательной». По ее мнению, этот процесс следует ускорить, ибо только тогда, когда женщина скажет: «Я хочу быть свободным человеком, и я хочу им стать», — в России возникнет свободная жизнь.

О необходимости подчинить движение за права женщин общим задачам борьбы за демократию гораздо более откровенно говорила *Софья Тюрберт*. Ее выступление на тему «Женский вопрос и политический строй» [1, с. 181—196] стало одним из самых заметных явлений на съезде. Оно вызвало оживленную дискуссию, встретив понимание у значительной части участниц съезда. Поэтому остановимся на нем подробнее.

С. Тюрберт сосредоточила свой анализ на предпосылках вызревания ценностей прав человека, включая права женщин. Она рассматривала его в духе либеральной теории права, которую пыталась применить к российской действительности. Сильнее всего ее

занимал вопрос о том, как связаны между собой правовые нормы и массовое сознание: заставляет ли «зрелость массового сознания» принять определенные нормы права, которые оформляют ожидания масс, или сама юридическая норма формирует определенный тип гражданского поведения. Понятно, откуда возник этот вопрос. Как и сегодня, на рубеже XIX—XX вв. российская общественность спорила по поводу способности России перейти от монархического, абсолютистского уклада к демократическому порядку. Кто-то уверял, что установление либеральных законов и норм чуть ли не автоматически обеспечит утверждение демократии. Кто-то доказывал, что традиционный уклад законами не победить, что для утверждения демократии нужны радикальные перемены в массовом сознании, которые не происходят в одночасье. С. Тюрберт не разделяла позиций ни тех, ни других. По ее убеждению, «народное правосознание» и «действующий правопорядок» находятся в непрерывном взаимодействии. Политические формы черпают свое содержание внутри «народного правосознания» и развиваются вместе с ним. Но, будучи однажды установленными, эти формы становятся самостоятельной силой, определяющей и направляющей «массовое правосознание».

Буржуазные революции, считала Тюрберт, поставили проблематику права во главу угла политической жизни тех стран, где они успешно совершились. «Упрочение конституционных начал» послужило «пробуждению политически отсталого человеческого сознания». В результате общественная жизнь этих свободных стран резко переменялась и стала являть собой «картину поразительно пестрой и широкой мобилизации до сих пор политически инертных слоев населения», которые превратились из обывателей в «сознательных и действенных граждан». Эти перемены привели, в свою очередь, к ускоренному развитию новых форм политической жизни общества. Совершенствование правового сознания граждан сопровождается развитием у них «чувства социальности». Таким образом, происходит коренное переустройство всей системы отношений власти, которые превращаются из субъект-объектных отношений в отношения субъект-субъектные, из «власти над кем-то» во «власть для чего-то». С. Тюрберт объясняла этот радикальный переворот следующим образом: «Когда верховенствующей в государстве силой взамен личной воли монарха становится безличная воля закона, когда человек перестает быть объектом несдерживаемого в правовых границах правительственного воздействия, когда прежнее неравное отношение сторон власти и подданного, покоившееся на принципе подчинения одной из них и личного усмотрения другой, превращается в правоотношение, построенное на началах взаимности обязанностей и прав, вчерашний подданный обращается в гражданина».

Как говорила С. Тюрберт, «доступная всеобщей свободной критике власть становится гражданину понятнее и ближе». А государственная цель, которая отныне не сливается «с понятием о личной цели монарха» и определяется «совокупной деятельностью граждан», перестает быть им чуждой. Отчуждению обывателя от власти приходит конец, и этот обыватель превращается в гражданина. В атмосфере свободного обмена мнений и социального общения естественно вызревает массовое политическое мировоззрение всех без исключения членов общества, включая женщин. Обозначив задачу формирования «человека социального» в качестве основной для успешного перехода России от авторитаризма к демократии, С. Тюрберт выделила два важнейших фактора демократических преобразований. Первый из них — строгое соблюдение закона всеми без исключения гражданами и обеспеченное гарантиями правосудие. Именно оно формирует у граждан навыки «отстаивания своих прав, ведет к исключению рабских инстинктов и правовому воспитанию». Очень скоро граждане начинают испытывать на себе «воспитательное влияние тех благ свободного политического строя, которые доступны всем без исключения гражданам». Второй фактор — сознательная деятельность встающего на путь демократизации государства по «культурному возвышению масс до уровня ответственных и политически сознательных личностей». Тюрберт считала, что «с

того момента, когда власть уже не сосредоточена в руках единого лица, а к ее осуществлению призваны общественные силы; с того момента, как государственная деятельность превращается в общественное сотрудничество, само государство заинтересовано в том, чтобы взамен прежней инертной и индифферентной массы ей противостояло свободное в выражении своего мнения и способное к выполнению возлагаемых на него обязанностей общество».

С. Тюрберт была убеждена в том, что «общество» такого типа и новое правовое государство возникают лишь тогда, когда формируется «свободная и разносторонне развитая индивидуальность», или «человек социальный». Основой для возникновения гражданского общества, по ее мнению, должна явиться дифференциация общества на организованные социальные группы. Ведь изолированный индивид, противостоящий государственной власти, бессилён настоять на своей воле и политическом мнении. Но когда «живые и конкретные требования общества дифференцировались друг от друга, когда за каждым правовым мнением стоит сознательно объединенная группа, общество становится господином власти».

Но С. Тюрберт вовсе не входила в число апологетов либерального индивидуализма. По своей системе взглядов она принадлежала к немногочисленной в России породе социал-либеральных мыслителей, убежденных сторонников социальных прав человека. Она настаивала на значимости социальной функции государства. С. Тюрберт подчеркивала, что правовое государство обязано играть активную роль в проведении социальных реформ, используя методы регулирования договорных отношений, законодательной защиты труда, введения бесплатного всеобщего обучения, облегчающего доступ к благам просвещения и культуры. С. Тюрберт утверждала, что эти положения о социальной функции современного правового государства особенно важны для России, где личность «бессильна самостоятельно пробиться до высшего уровня культуры и материального благосостояния».

Вопрос о правах женщин, о развитии женского движения для С. Тюрберт вторичный, напрямую зависящий от развития процесса демократизации. С точки зрения С. Тюрберт, следует вести речь не о том, что демократия дает женщинам, а о том, что могут сделать женщины для демократизации государства и общества. По ее мнению, исключительные условия русской жизни ставят женское движение нашей страны в иные по сравнению с Западом условия. Западноевропейское женское движение действует в условиях свободы и развитой демократии. Поэтому оно может себе позволить добиваться лишь одной цели — завоевания гражданских прав для женщин. В России — ситуация другая: женское движение здесь «принуждено стремиться к созданию той политической обстановки, тех элементарных благ общественной жизни, при наличии которых оно получит возможность развернуть свои силы и действительно проявлять свою волю». И эти исключительные условия русской жизни задают женскому движению более широкие задачи борьбы за демократию. Тюрберт подчеркивала: «Никогда и ни при каких условиях групповой эгоизм не должен застилать в глазах отдельной социальной группы, связанной единством лично затрагивающих ее интересов, тех общих целей, которые довлеют над совокупностью смежных групп, а порой и объединяют их всех между собой». В женском движении С. Тюрберт видела в первую очередь один из потоков общедемократического движения или «организованных сил русского общества, предназначивших себе задачей культурное и политическое возрождение России». И призывала его участниц действовать во имя общей для всех поборников демократии цели. Тем самым, вольно или невольно, она выстраивала своего рода иерархию целей и задач женского и общедемократического движений, когда одна из этих целей признается первичной, а другая вторичной, менее значимой.

К подчинению общим целям во имя преобразования российской жизни открыто призывала участниц съезда и знаменитая социал-демократка *Александра Коллонтай*, стоявшая на иных позициях, чем С. Тюрберт. А. М. Коллонтай возглавляла на съезде

группу делегатов от социал-демократической партии и выступала от их лица. Ее доклад был символично озаглавлен: «Женщина-работница в современном обществе» [1, с. 230—246]. Главной задачей доклада, по признанию самой Коллонтай, было решительное размежевание с «буржуазным феминизмом», противопоставление подходов «буржуазных феминисток» и «пролетарок» к идеям освобождения женщин. Коллонтай, как опытный публицист, начала свое выступление именно с этого противопоставления. Она решительно заявила: «Женский вопрос, — говорят феминистки, — это вопрос “права и справедливости”». «Женский вопрос, — отвечают пролетарки, — это вопрос “куска хлеба”». По убеждению Коллонтай, эта несовместимость взглядов возникает из разного понимания источника «женского вопроса». Если для «буржуазных феминисток» возникновение этого вопроса связано с выступлением «сознательного авангарда борцов за женскую эмансипацию... в защиту своих попираемых прав и интересов», то с точки зрения «пролетарок» женский вопрос возникает тогда, когда «миллионы женщин властью всемогущего Молоха — капитала — оказались выброшенными на трудовой рынок, когда, послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов... Этим женщин гнал из дома плач голодных детей, скорбные взгляды истощенных родителей, болезнь кормильца семьи, собственная необеспеченность, нищета... Все шире и шире раскидывал капитал свои сети. Стремительно бросалась женщина в гостеприимно открывающиеся перед нею двери фабричного ада...». Отсюда — и разница в определении целей женского движения. Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин, главным образом женщин определенной социальной категории, в современном эксплуататорском мире, мире «стонов и слез». Цель пролетарок — заменить старое, антагонистическое классовое общество новым «светлым храмом труда и братской солидарности».

Коллонтай подчеркивала, что «разбивая оковы капитализма, работница вместе с тем пробивает дорогу и для новой женщины — свободной возлюбленной, гражданки и матери». По ее словам, «пролетарский» подход к решению женского вопроса более совершенен и эффективен. Он способен обеспечить свободу и равенство всех женщин. Вот почему Коллонтай призывала: «Пусть же не зовут в свои ряды буржуазные феминистки женщин рабочего класса, пусть не рассчитывают их руками завоевать себе те социальные блага, что сейчас являются достоянием одних лишь мужчин буржуазного класса. Оторванные от своих товарищей, отказавшиеся от своих классовых задач, пролетарки перестанут быть социальной силой, с которой сейчас считается даже “реальная политика”... Только оставаясь в рядах своего класса, только сражаясь за общерабочие идеалы и интересы, сможет женщина-работница защитить и свои женские права и интересы...».

Коллонтай была уверена в том, что лишь победа пролетарской революции и преобразование общественной жизни «на новых трудовых началах» гарантирует всестороннее раскрепощение женщины «как личности и человека». Очевидно, что тема равноправия, связанная по преимуществу с проблематикой властных отношений, рассматривалась у Коллонтай, как у правоверного марксиста, преимущественно сквозь призму социально-экономических явлений, что существенно упрощало и искажало ее содержание. Кроме того, с предельной очевидностью выстроенная Коллонтай иерархия двух различных, несводимых друг к другу социальных вопросов — классового и женского, по сути, воспроизводила типичную для традиционной культуры иерархию «мужского» и «женского». И в данной парадигме обрекала на неуспех вопрос о женском равноправии, который она по существу квалифицировала как вторичный, неглавный, а потому — и несущественный.

С самой резкой критикой такой позиции выступила на съезде представительница радикального крыла в русском феминизме *А. А. Кальманович*. Центральная тема ее выступления — женское движение и отношение к нему со стороны политических партий

[1, С. 205—220]. Фактически же А. А. Кальманович ставила вопрос глубже и говорила о необходимости последовательного отстаивания идеи равноправия при решении любых других социальных задач, о ее принципиальной несводимости ни к классовому, ни к любому другому социальному вопросу. А. А. Кальманович доказывала: «...мужчина всех слоев общества, всех классов слишком заинтересован в порабощении женщины, а главное, он слишком унижил ее, чтобы сразу решиться уравнивать ее в правах с собой. Женщина должна сама завоевать принадлежащее ей место и заставить уважать себя». Подкрепляя этот полемически заостренный тезис многочисленными историческими примерами, она утверждала, что во все времена и во всех странах правами и интересами женщин пренебрегали все мужчины, включая самых передовых. Даже тогда, когда они «ставили на своем знамени гордую декларацию прав человека» или боролись за «свободу, равенство и братство», «всюду разумели мужчину». «Услуги женщин, их труд, их жертвы, до эшафота включительно, принимались охотно, но претензии их делить с мужчинами эти блага встречались с большим удивлением, негодованием, презрением, клеймились насмешливой кличкой — феминизм!».

А. А. Кальманович задавала риторический вопрос: что же называется на языке мужчин всеобщим избирательным правом? И однозначно отвечала на него: всеобщее избирательное право для мужчин. По ее словам, именно по этим причинам «для женщин, борющихся за то же право участия в общественной и государственной жизни, тяготы которой они несут, придумана новая насмешливая кличка — суфражисток и суфражеток и т. д.». Одновременно А. А. Кальманович подчеркивала, что «во все времена, всюду и везде были мужчины с ясной головой, с развитым чувством справедливости и пониманием общественных интересов», мужчины, «которые стояли за равноправие женщин». Но не они определяли, по ее словам, общее отношение к проблемам равноправия как в общественном мнении в целом, так и в отдельных политических партиях. Кальманович последовательно рассматривала в своем выступлении, как относятся к проблематике равноправия представители основных политических сил Европы — либералы, консерваторы и социал-демократы. Коротко остановимся на этом, потому что в ее анализе очень много верного и актуального, типичного для позиций лидеров нынешних российских политических партий.

Разбирая отношение европейских либералов к вопросу о правах женщин, Кальманович отмечала, что они «эстетики ради, в виде украшения» вставили в свои программы положения о равноправии женщин. И вместе с этим «всюду, где только можно, они не допускают его осуществления, не находят это еще своевременным, так как все женщины, видите ли, поголовно консервативны и от этого может произойти одна выгода для консерваторов». В то же время и консерваторы выдвигают свои аргументы против фактического равноправия. В числе этих аргументов «священный домашний очаг, дети, штопанье носков». Но, как отмечает Кальманович, «про себя они думают другую думу. Предки их недаром сжигали ведьм. Они знают, что женский дух пытлив, прогрессивен, и не они, конечно, будут содействовать вмешательству женщин в излюбленный ими современный общественный строй». Особенно подробно А. А. Кальманович анализировала отношение к правам женщин со стороны социал-демократов. Ведь именно они претендовали в ту пору на роль подлинных защитников женского равноправия. В итоге Кальманович заключала, что и у социал-демократов лозунг равноправия «служит только украшением программы».

А. А. Кальманович была убеждена в том, что женщинам в принципе «не следует ждать свободы от мужчин», как бы они ни называли себя: либералами, консерваторами или социал-демократами. На ее взгляд, «пока мужчина будет иметь возможность угнетать и унижать женщину, он будет это делать». И причина тому — не чья-то злая воля, а определенная система отношений власти. Женщинам, как всем «бесправным» и «угнетенным», не следует ждать «великодушия ни от кого». Им нужно научиться защищать свои права, научиться «ограждать себя законами». А. А. Кальманович доказывала, что только женское движение способно «вывести женщину из угнетенного,

унизительного состояния, в котором она находится. Только женское движение освободит женщину». Подкрепляя этот свой тезис, А. А. Кальманович произнесла на съезде во многом пророческие слова: «Если женщины будут теперь лишены возможности влиять на законы и изменять их, то грядущий социализм будет мужским социализмом и, следовательно, будет иметь для человечества немногим больше цены, чем теперешний социальный строй. Поэтому-то мы и боремся теперь с таким упорством».

История подтвердила правоту этих слов. Советский социализм действительно стал социализмом с «мужским лицом», хотя революции 1917 г. (сначала Февральская, затем Октябрьская) принесли женщинам всю полноту гражданских прав. Но только в формально-юридическом аспекте. Ранжирование «социального» и «женского» вопросов по принципу их соподчиненности, когда первый признается основным, а второй — побочным, позволило государству «решать» проблему равноправия полов, не посягая на мужской авторитет. Женщины были признаны гражданками, но не совсем полноценными, а «другими». Они имели право на труд, но общество осуждало тех из них, кто как бы на мужской манер выстраивал карьеру. Они имели право на представительство в структурах власти, но им отвели квоту только в органах законодательной власти, в ту пору по большому счету чисто декоративной, и не пускали в «святая святых» этой власти — руководящие органы партии, ЦК и Политбюро.

Такое решение женского вопроса не пошатнуло глубинных основ традиционной российской властной системы. Не случайно вопрос о модернизации, ставший ключевым для страны в XX в., понимается у нас по преимуществу как вопрос социально-экономический. Не случайно многие российские правозащитники по большому счету не считают права женщин составной частью прав человека. А в общественных дискуссиях разговор о правах женщин очень быстро сводится к проблеме секса [3]. Хотя на самом деле речь должна идти о возникновении совершенно новой, по определению современного мыслителя Б. Парамонова, «не-репрессивной культуры», которая, как он справедливо отмечает, стала «подлинной темой двадцатого века, вне всякого сомнения, переходящей в двадцать первый» [2, с. 66]. Ведь именно возникновение «не-репрессивной культуры» как бы венчает процесс «консолидации демократии» — включения в демократические процедуры всех членов общества, а значит, и женщин. Некоторые из участниц дискуссии, которая велась почти сто лет тому назад на Первом Всероссийском женском съезде, отчетливо понимали это, но, к сожалению, не сумели доказать правоту своих воззрений.

Библиографический список

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
2. Парамонов Б. Конец стиля. М., 1997.
3. Хакамада И. Секс в большой политике. М., 2007.